

Мнимая борьба с Западом¹

I

Борьба между Западом и Востоком, между Европой и Азией, давно уже перешла у нас из области чистой литературы на совершенно иную почву, где Запад потерпел очевидное поражение, а начала восточные, именно китайские, достигли полного торжества. Тем не менее почтенный Н.Н. Страхов опять возобновляет свою *Борьбу с Западом в нашей литературе*. Борьба эта, как было не раз указано, представляет собою нечто странное не только по времени, но и по существу. Автора спрашивали: почему критические рассуждения о различных явлениях умственной жизни с точки зрения идей и принципов, выработанных в Западной Европе и оттуда перешедших к нам, – рассуждения, которые, в сущности, могли бы принадлежать любому образованному и толковому европейцу консервативного направления, – почему эти рассуждения выдаются за какую-то борьбу с Западом? На это г. Страхов дал (и ныне в своём последнем издании воспроизводит) несколько ответов, коих отношение к делу одинаково неясно. Во-первых, он заметил, что уже и то хорошо, что он пишет как образованный и толковый европеец. Без сомнения, хорошо, но при чём же тут борьба с Западом? Во-вторых, распространившись на нескольких страницах о том, что всякие «знамёна» вообще суть пустяки и что их выкидывают только легкомысленные крикуны, досточтимый критик неожиданно признаётся, что и он выкинул знамя, за которое стоит и которым гордится, так как написана на нём проповедь серьёзного умственного труда. Проповедь превосходная, но опять где же тут борьба, да ещё с Западом, который именно и отличается серьёзным умственным трудом? Такую проповедь следует назвать *подражанием Западу*, а не борьбою с ним. Вот если бы г. Страхов проповедовал лень и праздность, то тут была бы хотя и не борьба, но, по крайней мере, некоторая противоположность с жизненным настроением Запада. Наконец, третий ответ сводится к замечанию, что не в заглавии дело. Конечно, не в заглавии, а в несчастной претензии бороться с Западом. Эта претензия выражается не в одном заглавии, а и во множестве фраз, которые хотя и не имеют определённого содержания, но дают общий тон книге. Именно это противоречие между тоном фраз и действительным характером мыслей и производит неприятное впечатление чего-то фальшиво-притязательного и празднословного, – главный недостаток всего этого сборника статей, из которых многие, несмотря на то, читаются не без пользы и удовольствия.

¹ Страхов Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 2, 2-е изд., СПб., 1890.

В настоящее, вновь составленное издание второго выпуска вошли из первого издания лишь те статьи, которые ещё менее всего прочего имеют отношение к борьбе с Западом, таковы: содержащий много верных замечаний обзор русской литературы, начиная от Ломоносова, и весьма искренно и горячо написанная, но односторонняя и ни к чему положительному не приводящая критика нигилизма. Затем вновь помещена некогда весьма известная и доныне сохранившая весь свой интерес статья *«Роковой вопрос»* с приложениями и дополнениями, никогда не бывшими в печати. В этом небольшом, но действительно замечательном и прекрасном произведении почтенный автор в самом деле боролся, правда, совершенно безуспешно, и, притом, не с Западом, а лишь с непроницательностью наших тогдашних патриотов, принявших г. Страхова за переряженного поляка, коварного врага России².

Всё это составляет лишь меньшую часть книги. Бóльшая же занята полным воспроизведением всех полемических статей г. Страхова против проф. Тимирязева и меня из-за сочинений Н. Я. Данилевского *«Дарвинизм»* и *«Россия и Европа»*. Уж не тут ли, наконец, завязалась, хотя и поздно, действительная борьба с Западом? Конечно, проф. Тимирязев, как дарвинист, примыкает к известному западному учению; но, ведь, и Данилевский с г. Страховым, как антидарвинисты, примыкают к тем, также западным, учёным, которые, не дожидаясь русской книги, высказали все существенные возражения против теории происхождения видов путём естественного подбора. Вот если б этой теории г. Страхов и его учитель противопоставили свою, *не западную*, тогда можно было бы говорить о борьбе с Западом. А если всё дело в *критике* дарвинизма, то не с Западом же боролись Миворт, Мильн-Эдвардс, Негели, Виганд и прочие *западные* предшественники Данилевского.

Что касается полемики со мною, то г. Страхов хорошо знает, что мои воззрения основаны на идее вселенского христианства, идее по происхождению своему не западной, а скорее восточной, по содержанию же и значению своему стоящей выше всяких местных противоположностей. Значит, и я вовсе не гожусь в представители Запада, с которым будто бы борется г. Страхов. Тем не менее, полемические статьи г. Страхова в защиту *«России и Европы»* Данилевского составляют единственную часть его книги, имеющую некоторое, хотя кажущееся, отношение к борьбе с Западом.

² Статья, появившаяся с подписью Русский в журнале «Время» в 1863 г., возбудила всеобщее негодование, и автору пришлось защищать себя и оправдываться не только перед Катковым, но и перед Аксаковым.

Воспроизведение моим почтенным противником этих статей заставляет и меня вернуться к спору, представляющему не один только отвлечённый интерес. Напомню сначала, как было дело. Н. Я. Данилевский, общественный деятель весьма достойный и заслуженный, перейдя от фурьеризма к славянофильству, задался несчастною мыслью возвести смутное национальное самодовольство славянофильских поэтов и публицистов в определённую рассудочную и наукообразную теорию. Для этого он воспользовался идеей культурно-исторических типов, высказанной Гейнрихом Рюккертом в его *«Lehrbuch der Weltgeschichte»*. Рюккерт, как историк, знал, что построить на принципе племенных и национальных культур целую философию истории, т. е. объяснить им историческое развитие человечества или даже только систематически провести этот принцип по всей истории – дело совершенно невозможное, за которое он и не взялся, ограничившись лишь общими указаниями на (преувеличенное им) значение частных культур. Данилевский, который не только не был историком, но имел в этой области лишь отрывочные и крайне скудные сведения, смело построил из односторонней мысли немецкого писателя целую систему всемирной истории, которую и изложил в книге *«Россия и Европа»*. Несмотря на несомненно выдающиеся умственные способности автора (к числу которых, впрочем, не принадлежала способность к умозрению вообще и к философскому обобщению исторических фактов в особенности), эта книга, в сущности, могла представлять собою лишь литературный курьёз, за каковой она и была при своём появлении признана всеми компетентными людьми. Но в последнее время господствующее в обществе и литературе течение подхватило и вынесло кверху забытую теорию, и книга Данилевского получила значительную известность. Она её, пожалуй, и заслуживала, ибо при всей своей внутренней несостоятельности это была всё-таки *единственная* попытка систематического и наукообразного изложения нашего национализма на известных общих основаниях, и странно было бы, если бы этот «пространный катехизис» славянофильства не имел успеха в настоящие дни³. Ввиду такого современного значения теории племенных культур, я нашёл необходимым её разобрать⁴. Хотя по поводу этой моей критики было

³ Под славянофильством разумеется здесь всё наше националистическое движение в своей совокупности. Собственно к кружку старых славянофилов Данилевский не принадлежал. Он упрекает их воззрения в примеси гуманитарных идей, а они, т. е. последние из них, остававшиеся в живых при появлении *«России и Европы»*, по-видимому, не признали автора этой книги за своего человека и как бы игнорировали его произведения.

⁴ В двух статьях под тем же заглавием *«Россия и Европа»* («Вестн. Евр.», 1888, февраль и апрель), из которых только вторая, более обширная, содержала разбор теории. Обе статьи напечатаны в книге *«Национальный вопрос в России»* (изд. 2-е).

даже слишком много написано в нашей периодической печати, но всё это относилось почти исключительно к моим общим замечаниям о современном состоянии русской культуры. Ответа же собственно на разбор *исторической* теории Данилевского я доселе напрасно дожидаясь от многочисленных ныне единомышленников и приверженцев этого писателя. Вместо ответа г. Страхов написал обширную статью *«Наша культура и всемирное единство»* с эпиграфом: «Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и долголетен будешь на земли», где много говорит о разных посторонних предметах, как, например, об евреях, сидевших на реках Вавилонских и плакавших, о несправедливом мнении профессора Модестова насчёт его, г. Страхова, и т. п., но из моих определённых возражений против теории Рюккерт – Данилевского упомянул только о двух: из них одно (относительно финикиян), не оспаривая, признал несущественным (таким оно и было бы, если бы было только одно), а для кажущегося ответа на другое должен был, между прочим, прибегнуть к неслыханному расчленению *анатомических групп на события*⁵. Общее направление и тон этой статьи, к сожалению и удивлению моему, примыкавшей (как видно было уже из эпиграфа) к газетному хору, который объявил меня врагом отечества⁶, принудили меня к необходимому отпору (*«О грехах и болезнях»*. *Вестн. Евр.*, 1889 г., янв.), после которого г. Страхов напечатал свой *«Последний ответ г. Соловьёву»* (*«Русск. вестн.»*, февр.). Тут опять, нисколько не затронув моего действительного разбора исторической теории Данилевского, он заключил статью словами: «наш спор кончен» и т. д. Мне не оставалось ничего другого, как перечислить те страницы, где находятся главные, обойдённые г. Страховым возражения против теории культурно-исторических типов (*«Письмо в ред»*. *Вест. Евр.*, март). И вот почти через год после своего «последнего» ответа г. Страхов ещё раз обращается ко мне (в статье *«Спор из-за книг Данилевского»*. *Русск. вестн.*, декабрь), чтобы заявить, что ему отвечать мне нечего, потому что моя ссылка на страницы *голословна*. Что же это, однако, значит? Ни действительного существования указанных страниц, ни того, что там находятся возражения против теории Данилевского, ни того, наконец, что эти возражения обойдены молчанием в обеих статьях г. Страхова, он, конечно, не отвергает. Но, по его мнению, я

⁵ Я тем смелее могу настаивать на том факте, что мой разбор исторической теории Данилевского остался без ответа, несмотря на множество отвечавших, что не приписываю себе в этом случае никакой авторской заслуги. Если сделанные мною возражения не были высказаны в печати гораздо раньше и лучше критиками более меня компетентными, то единственно потому, что они не считали книгу Данилевского требующею особого обсуждения. Именно такой отзыв слышал я ото всех наших историков, с которыми приходилось говорить об этом предмете.

⁶ Г. Страхов уверяет теперь, что он имел в виду только выяснить теорию Данилевского, а что до меня ему не было никакого дела. К кому же и к чему, в таком случае, относится, наприм., указание на пятую заповедь и рассуждения о любви к отечеству? Неужели это было нужно для выяснения патриотизма Данилевского, в котором никто не сомневался?

должен был доказать, что эти возражения существенны, а иначе моя ссылка на страницы голословна. Признаюсь, в первый раз слышу, что критик, представивший известные возражения, на которые его противник не нашёл никакого ответа, обязан после этого ещё производить особенную мотивированную оценку этих возражений, доказывать, что они существенны. Казалось бы, напротив, дело противника доказать, что они *не* существенны. Да и почему это, в самом деле, Н.Н. Страхов, так много из-за меня написавший, трижды возвращавшийся к спору и не решившийся покончить его даже после «последнего» ответа, – почему он так старательно обходит эти указанные 10 страниц? Положим, я неосновательно думаю, что там находятся самые важные возражения. Но, ведь, по мнению г. Страхова, вся моя критика совершенно неосновательна, однако, он о ней писал, и так много! Чего бы проще остановиться на этих ничтожных 10 страницах и, опровергнув как следует их содержание, или побудить меня к более основательной аргументации, или оставить навсегда безответным.

Но что же делать? Если Н.Н. Страхов «уклоняется от своей обязанности», то приходится мне сделать то, к чему я не обязан, – исполнить нечто сверхдолжное.

Чтобы решить, насколько существенны те или другие возражения против книги Данилевского, нужно сначала определить, что всего существеннее в самой этой книге. На этот счёт взгляд Н.Н. Страхова как бы двоятся и даже троится. То он придаёт необычайно важное значение самой теории культурно-исторических типов и их классификации, в которой видит целую естественную систему истории; то утверждает, что, собственно, важно в книге Данилевского (сообразно её заглавию) только характеристическое противуположение двух культурно-исторических типов – России и Европы, прочими же Данилевский вовсе не занимался, а взял их перечень как общеизвестный⁷; то, наконец, оказывается, что сущность дела – в общем взгляде на всемирную историю, основанном на начале национальности⁸. Национальность и культурно-исторический тип, конечно, далеко не одно и то же, и г. Страхов, колеблясь между этими двумя терминами, невольно выдал один из неясных пунктов в воззрении своего учителя. Во всяком случае, хотя

⁷ «Только два типа подробно и тщательно рассматривает книга Данилевского, именно те, которые указаны в заглавии: славянский и германо-романский» («Борьба с Западом», Кн. II, изд. 2, стр. 249). На следующей стр. говорится «про отношения между Россией и Европой, которые составляют самый существенный предмет книги и были путеводною нитью для всех её мыслей». А в предисловии г. Страхова к 3-му (2-му) изд. «России и Европы» читаем: «Эта книга названа слишком скромно... Славянство и отношения между Россией и Европой суть не более, как частный случай, – пример, поясняющий общую теорию» (стр. XXIII). Извольте согласить: «самый существенный предмет» и «не более как частный случай».

⁸ «Борьба с Зап.», стр. 541.

бы этот пункт и оставался невыясненным, но, по общему взгляду Данилевского, историческое значение национальности вполне подчинено значению культурного типа, вне которого народ может оставаться на степени простого этнографического материала. Противуположение Европы и России также получает определённый смысл лишь на основании теории культурно-исторических типов. Вообще противуположать Россию и Европу можно в различных отношениях, наприм., как более отсталую и более передовую части исторического человечества, что было бы совершенно несогласно с взглядом нашего автора: для него важно только противуположение их, как двух одинаково самобытных и самостоятельных культурно-исторических типов, что можно утверждать лишь в силу общей теории и классификации таких типов.

Итак, три различных указания г. Страхова должны быть сведены к одному первому. Самое существенное в книге Данилевского – это его теория культурно-исторических типов, по которой человечества, как целого, вовсе нет, а существуют только известные обособленные группы одноплемённых народов, связанных близостью языка, единством особых духовных и культурных начал, самобытно возникающих в пределах каждой такой группы безо всякой возможности перенесения их в другую, наконец, общею историческою жизнью, которая должна так или иначе воплощаться в единстве политическом. Такие группы представляются Данилевскому как действительные собирательные существа, имеющие свои определённые реальные интересы, которым должны подчиняться все прочие человеческие интересы и соображения. Каждый человек должен беззаветно служить той культурно-исторической группе, к которой он принадлежит, за её пределами для него нет никаких нравственных обязанностей, по отношению к чужим народам (не своего культурно-исторического типа) – всё позволено⁹. Легко видеть те важные последствия, которые проистекали бы из такой теории, если бы только она была истинною. Всякий знает, к какому он народу принадлежит, а человечество только одно. Таким образом, с общечеловеческой точки зрения, дающей справедливое место и национальным интересам, я не могу ошибиться по крайней мере насчёт предмета моих социальных обязанностей. Но когда между человечеством и нацией ставится ещё какая-то реальная группа с неопределёнными и сомнительными очертаниями, требующая, однако, подчинения ей всех прочих интересов, то это может поставить нас в трагическое положение. Не только чехи, поляки и хорваты, признающие свою солидарность с европейскою культурой, могут оказаться невольными

⁹ См. особенно в «*России и Европе*» главу V, начало VI и начало X. Не привожу собственных слов Данилевского, так как они уже были мною приведены в первом разборе. См. «*Нац. вопр. в России*».

изменниками тому русско-славянскому миру, к которому они должны принадлежать, но который выяснился лишь в мыслях Данилевского и его друзей, но нечто подобное может случиться и с теми русскими, которые, ввиду получения нами нашего просветительного начала из Византии, пришли бы к убеждению, что мы должны подчинять наши национальные интересы не славянскому, а греческому культурному типу, представляемому ныне Фанаром.

Считая всё это воззрение ложным и вредным, как должен я его опровергать? Г. Страхов, обвиняя проф. Тимирязева и меня в высокомерном отношении к Данилевскому, обращает ко мне специально упрёк в том, что я не противопоставил теории его учителя свою собственную: только тогда, по его мнению, была бы настоящая серьёзная критика. Если бы я считал теорию Данилевского ложною только потому, что она противоречит каким-нибудь моим философским идеям, тогда, конечно, не оставалось бы ничего другого, как противопоставить ей эти идеи, причём такая критика могла бы иметь лишь субъективную убедительность: из двух противоположных воззрений читатель мог бы выбирать то, которое ему больше по вкусу. Быть может, именно этого и желал г. Страхов. Конечно, если бы я поступил по его желанию, то не избег бы этим упрёка в высокомерии. Не дерзость ли, в самом деле, вместо того чтобы внимательно разбирать по пунктам такое важное произведение, как *«Россия и Европа»*, – пользоваться им только как поводом для изложения своих собственных идей, которые, может быть, никому не нужны и не интересны? Но если бы и в этом случае г. Страхов остался недоволен мною, то был бы зато доволен результатами спора: единственным ответом на теорию Данилевского оказалась бы какая-то теория Соловьёва, которая при настоящем настроении общества не могла бы иметь никакой надежды на успех. Но что же делать, если теорию Данилевского я считаю ложною не потому, что она несогласна с какими-нибудь моими личными взглядами на историю, а, прежде всего, потому, что она противоречит самим фактам истории, той объективной исторической действительности, которая ни от какой теории не зависит, а должна быть только объяснена. Моя задача была показать, что «культурно-исторических типов» Данилевского вовсе не существовало и не существует в действительности, что действительные отношения между культурными народами совсем не те, которые требуются этою теорией; наконец, что, сверх всех национальных и племенных делений, через всю историю проходит постепенно расширяющееся течение универсальных начал, объединяющих мысль и жизнь человечества. Теория, вынужденная обходить молчанием важнейшие из фактов, подлежащих её объяснению, страдает, без сомнения, *существенным* недостатком, и

указание на это есть существенное против неё возражение. Зачем взгляду Данилевского на историю противопоставлять свои взгляды, когда можно противопоставить ему саму историю в главнейших её факторах и событиях? Разве нужна была бы какая-нибудь новая астрономическая теория для опровержения такого взгляда на солнечную систему, в котором не было бы места Юпитеру, Сатурну и Марсу? Не то же ли самое – мнимо историческая теория, в которой нет места для буддизма, для александрийской философии, для ислама, для христианства, которая, не будучи в состоянии объяснить международного, универсального значения этих мировых фактов, должна о нём умалчивать? И хорош был бы критик, который стал бы распространяться о своих взглядах по поводу таких предметов, одно историческое существование которых достаточно опровергает критикуемый взгляд. На это фактическое опровержение защитник Данилевского отвечает общими рассуждениями на ту тему, что универсальное значение религии не находится ни в каком противоречии с теорией культурно-исторических типов. Значит, нужно ему напомнить, что основное положение этой теории, без которого она теряет всякий определённый смысл, гласит, что каждый культурно-исторический тип вырабатывает для себя самобытно свои духовные начала и что передачи таких начал от народов одного типа народам другого по этой теории ни в каком случае быть не может¹⁰. Пусть же попробует г. Страхов с этим основным положением примирить факт перенесения буддизма из Индии в Китай и Тибет, факт передачи ислама от арабов персам, туркам и другим разноплеменным народам, наконец, факт универсального распространения христианства. Когда г. Страхов об этом вспоминает, то из его памяти как будто совсем исчезает главный тезис защищаемой им теории, прямо противоречащий указанным фактам и, следовательно, ими опровергаемый. «В судьбах буддизма, – повторяет за мною г. Страхов, – особенно интересен факт, что он почти исчез в самой Индии, его породившей. Не то же ли мы видим в христианстве, не удержавшемся в той еврейской культуре, которая была его первоначальной почвой? Такова (прибавляет уже от себя почтенный критик) сила особой культуры, её неизбежная ограниченность; другие типы должны бывать принять на себя дело, которое превышает жизненный захват первоначальной культуры». Но, ведь, вопрос именно в том, как примирить эти несомненные факты с главной мыслью Данилевского о безусловной непередаваемости духовных начал от одного культурного типа другим. Если г. Страхов отказывался от этой явно ложной мысли, то о чём же он спорит? Если, в самом деле, сила *особой* культуры, как

¹⁰ «Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа» («Росс. и Евр.», изд. 1888 г., с. 95).

таковой состоит только в её неизбежной ограниченности, то что же, собственно, защищает мой загадочный противник? Если есть в истории дело, превышающее жизненный захват отдельной культуры, то не в этом ли деле главный интерес всемирной истории? Помимо приведённой фразы, если из всех расплывчатых рассуждений г. Страхова об «общей сокровищнице», о «религии и науке» и о «научной самобытности» выжать ясную и определённую мысль, то окажется, что теория культурно-исторических типов в собственном мнении её защитника сводится к таким пустякам, о которых вовсе не стоит спорить. Религия, наука, искусство – словом, всё, что нам дорого и интересно, есть общее сокровище и общее дело всего человечества. Что же остаётся на долю отдельных племенных типов и зачем понадобилось настаивать на их обособленности? Что в создании общего сокровища и в исполнении общего дела каждая историческая нация участвует по-своему, – этого, кажется, никто не оспаривал. Впрочем, то же самое можно сказать и о личности. Всякое общечеловеческое дело и произведение окрашивается в истории не только национальным, но и личным характером своих производителей, из чего, однако, не следует, чтобы отдельные лица были единственными реальными деятелями и предметами исторического процесса.

Прославляя, с одной стороны, теорию культурно-исторических типов как «естественную систему истории», Н.Н. Страхов как будто готов, с другой стороны, поступиться общими основами этой теории, лишь бы удержать её частное приложение к Европе и России¹¹. Такая уступка и нелогична, и бесполезна. Взгляд Данилевского на Европу ещё менее, чем всё прочее, соответствует исторической действительности. Если бы в действительности существовали только такие страны, как Китай или Древний Египет, то учение об отдельных и вполне самобытных культурно-исторических типах было бы, пожалуй, похоже на правду. Но именно существование такой цивилизации, как европейская, и опровергает окончательно эту теорию. Помимо невозможности ставить на одну доску с отдельными национальными культурами такую многонародную и многоязычную группу, распространившую своё действие на весь земной шар, – помимо этого, история европейской цивилизации прямо противоречит основному принципу Данилевского, допускающему только *материальную* преемственность между различными культурами (т.е. такую, при которой одна культура или паразитически прививается к другой, или, напротив, служит ей как бы почвенным удобрением), оплодотворения же одной культуры духовными

¹¹ См. выше.

началами другой, внутренне образовательного их воздействия быть не может. По этой теории, Европа должна была бы вполне самобытно из себя выработать свои духовные и жизненные начала. Между тем, на самом деле, она их-то именно и получила преемственно в виде христианской религии и греко-римского гуманизма, а то, что она сама выработала на этой общечеловеческой основе – в области научного знания и социальных отношений – опять-таки на деле имеет универсальное значение, одинаковое как для образованного японца, так и для немца. Точно так же и Россия, вопреки теории Данилевского, не сама выработала для себя какое-нибудь особое духовное образовательное начало жизни, а приняла (лишь несколько позднее Запада) те же общечеловеческие начала религии и науки и вместе с Европой составляет (по мере своего проникновения этими просветительными началами) один христианский мир, одну активную часть исторического человечества, всё более и более втягивающую в свою жизненную сферу все прочие народы земли. Некоторое относительно твёрдое сопротивление этому европейскому влиянию оказывает пока один только Китай, который и составляет со своим исключительно национальным просвещением¹² единственную и действительную, хотя, разумеется, лишь временную противоположность нашей общечеловеческой христианской культуре¹³.

II

¹² Разумеется, и здесь *исключительность* эта есть только *тенденция*, в действительности осуществляемая лишь до некоторой степени. Но то правда, что и ныне Китай готов принять одни материально-полезные результаты европейской цивилизации, но оказывается (в массе своей) совершенно непроницаемым для духовных начал христианского мира. Точно, в самом деле Данилевский именно на одном Китае основал свою теорию и свои мнимые исторические «законы».

¹³ Не только универсальная сущность христианства, но и вероисповедные различия, которым Данилевский придаёт такое преувеличенное значение, служат прекрасным фактическим опровержением его теории. Г. Страхов, в трёх своих статьях совершенно умолчавший об этом предмете, в предисловии к последнему изданию употребляет такое *argumentum ad hominem*: «Мною были оставлены без ответа возражения против существования двух отдельных культурно-исторических типов, *греческого* и *римского*, указанных Н.Я. Данилевским. Возражатель (т.е. я) отрицал их разделение в истории и потом упрекал меня за умолчание о таком важном возражении. Между тем, этот же возражатель постоянно проповедует о необходимости соединения церквей, из которых одна называется *греко-российскою*, а другая *римско-католическою*» (стр. XI и XII). Неужели г. Страхов, в самом деле, не видит, что если бы вероисповедные разделения определялись отдельными культурами в смысле Данилевского, то ни *греко-российской*, ни римско-католической церквей не могло бы и быть, так как русский народ принадлежит не к греческому, а к отдельному славянскому типу, а римско-католическая церковь не соответствует германо-романскому миру, значительная часть которого принадлежит к особым протестантским исповеданиям. По Данилевскому, должны бы быть в настоящее время две отдельные церкви: славянская и романо-германская, но таковых в действительности не существует. Что касается древних греков и римлян, то *различия* в их культуре никто не отрицал, мнимая же *отдельность* их так же мало доказывается разделением греческой и римской церквей, как отделение протестантов *от* католиков не доказывает и по Данилевскому существования двух отдельных культурных типов в новой Европе.

Взгляд Данилевского ложен прежде всего в смысле исторической теории, так как он противоречит исторической действительности. Но как всякое теоретическое построение, относящееся к жизни человечества, этот взгляд имеет и нравственную сторону. Пытаясь объяснить наше прошлое и настоящее, он, вместе с тем, хочет представить и некоторый идеал будущего, указать наши жизненные задачи и дать нам руководство для их разрешения. И тут опять мне не приходилось и не приходится спорить во имя каких-нибудь своих личных идей против теории Данилевского: достаточно было сопоставить её с общепризнанными нормами христианской нравственности. Г. Страхов требовал от меня доказательств того, что начало народности безнравственно. Это была, конечно, лишь эристическая фигура, так как никто никогда не признавал безнравственным принцип народности. Но на безнравственном свойстве того национализма, который проповедуется в книге *«Россия и Европа»*, я должен настаивать самым решительным образом. Ограничивать наши обязанности пределами какой-то фантастической группы народов и безусловно отрицать всякое нравственное отношение к прочим народам и к целому человечеству – безнравственно. Приносить в жертву живые и сознающие себя народности вымышленным интересам той же искусственной группы – безнравственно¹⁴. Наконец, явно несправедливое и обидное утверждение, что в обоих западно-христианских вероисповеданиях нет ничего, кроме лжи, невежества (!) и отрицания религии, – безнравственно. Я охотно верю, что сам Данилевский был тем кротким, справедливым и веротерпимым человеком, каким его представляет Н.Н. Страхов. Тем хуже и вреднее, значит, то теоретическое заблуждение, которое заставило даже такого человека проповедовать вещи, прямо противные духу кротости, справедливости и веротерпимости.

Н.Н. Страхов хочет видеть в книге *«Россия и Европа»* только то, что соответствует его воспоминанию о личном характере автора. Если бы я перечислил те страницы, которые обличают эту ошибку, то мой противник назвал бы опять такое указание голословным. С другой стороны, если бы я выписал самый текст всех тех мест, где Данилевский говорит противоположное тому, что приписывает ему его защитник, то мне пришлось бы нарушить закон о печати, воспреещающий выписывать из чужой книги более 8 страниц кряду. Итак, ограничусь несколькими краткими, но вполне определёнными заявлениями Данилевского из той главы его сочинения, которая наиболее пригодна для характеристики его политического взгляда с

¹⁴ Здесь имеется в виду то, что Данилевский говорит о мадьярах, поляках, румынах и новогреках, а именно: что они должны будут волей-неволей войти в состав российско-славянского мира, к которому они вовсе не желают принадлежать, дорожа своею самостоятельностью.

нравственной стороны. Глава эта называется «*Борьба*» и снабжена двумя знаменательными эпиграфами: во-первых, русскою пословицей «кто ни поп, тот батька», а, во-вторых, заявлением графа Ростопчина (из его донесения разочаровавшемуся в европейских союзах императору Павлу), «что России с прочими державами не должно иметь иных связей, кроме торговых», с одобрительною отметкой императора: «святая истина!»

Указавши на неизбежность вооружённого столкновения между Россией и Европой (или по крайней мере со значительнейшею частью её) из-за восточного вопроса, то есть из-за свободы и независимости славян (?), из-за обладания Цареградом, Данилевский говорит: «Самый процесс этой неизбежной борьбы, а не одни только её желанные результаты, как это не раз уже было высказано нами, считаем мы спасительным и благодетельным», и затем он ставит вопрос: «Каков должен быть наш образ действий, дабы обеспечить за собою вероятность успеха?»¹⁵ Ответ на этот вопрос не отличается даже оригинальностью: нам предлагают руководствоваться относительно Европы исключительно тем способом действия, который в просторечии называется мошенничеством, а по-книжному – макиавеллизмом. Но пусть говорит сам Данилевский: «В продолжение этой книги мы постоянно проводим мысль, что Европа – не только нечто нам чуждое, но даже враждебное, что её интересы не только не могут быть нашими интересами, но, в большинстве случаев, прямо им противоположны. Из этого, однако, ещё не следует, чтобы мы могли или должны были прервать всякие сношения с Европой, оградить себя от неё китайскою стеной; это не только невозможно, но было бы даже вредно, если бы и было возможно». Зачем, в самом деле, разбойник станет ограждать себя китайскою стеной от людей, которых он собирается ограбить? Это для него не только невозможно, но было бы и вредно. «Но, – продолжает Данилевский, – если невозможно и вредно устранить себя от европейских дел, то весьма возможно, полезно и даже необходимо смотреть на эти дела всегда и постоянно с нашей *особой* русской точки зрения, применяя к ним как *единственный* критерий оценки: какое отношение может иметь то или другое событие, направление умов, та или другая деятельность влиятельных личностей к нашим *особенным* русско-славянским целям; какое они могут оказать препятствие или содействие им? К безразличным в этом отношении лицам и событиям должны мы оставаться совершенно равнодушными, как будто бы они жили и происходили на луне; тем, которые могут приблизить нас к нашей цели, должны всемерно содействовать и всемерно противиться тем, которые могут служить ей

¹⁵ Россия и Европа. Изд. 1888 г., стр. 475.

препятствием, не обращая при этом ни малейшего внимания на их безотносительное значение – на то, каковы будут их последствия для самой Европы, для человечества, для свободы, для цивилизации.

Без ненависти и без любви (ибо в этом чуждом мире ничто не может и не должно возбуждать ни наших симпатий, ни наших антипатий), равнодушные и к красному, и к белому, к демагогии и к деспотизму, к легитимизму и к революции, к немцам, к французам, к англичанам, к итальянцам, к Наполеону, Бисмарку, Гладстону, Гарибальди, – мы должны быть верным другом и союзником тому, кто хочет и может содействовать нашей единой и неизменной цели. Если ценою нашего союза и дружбы мы делаем шаг вперед к освобождению и объединению славянства, приближаемся к Цареграду, не совершенно ли нам всё равно: купятся ли этою ценою Египет Францией или Англией, рейнская граница – французами или вогезская – немцами, Бельгия – Наполеоном или Голландия – Бисмарком?»¹⁶

Признавши, что для европейских народов и государств всего естественнее и полезнее держаться системы политического равновесия, Данилевский выводит отсюда заключение, что мы должны стараться о нарушении этого равновесия во вред Европе. «Если Россия, – говорит он, – не принадлежит к Европе ни по кровному родству, ни по усыновлению, если главные цели Европы и России (или, точнее, славянства, которому она служит представительницею) противоположны одна другой, взаимно отрицают друг друга уже по коренной исторической противоположности, глубоко лежащей в самом основном плане целого длинного периода всемирной истории, то само собою разумеется, что Россия заинтересована не в охране, не в восстановлении этого равновесия, а в совершенно противном. Европа не случайно, а существенно нам враждебна; следовательно, только тогда, когда она враждует сама с собою, может она быть для нас безопасной»¹⁷. «Именно, равновесие политических сил Европы вредно и даже губительно для России, а нарушение его *с чьей бы то ни было стороны* выгодно и благодетельно»¹⁸. «Нам необходимо, следовательно, отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами»¹⁹.

Наивная безнравственность общего взгляда соединяется у Данилевского с видимым отсутствием политической сообразительности. По его представлению, во главе будущей европейской коалиции против России

¹⁶ Там же, стр. 480—482.

¹⁷ Там же. стр. 483.

¹⁸ Там же, стр. 486.

¹⁹ Там же, стр. 488.

будет Франция, а единственными нашими союзниками будут пруссаки. «Россия, – говорит он, – должна будет видеть и Францию наравне с Англией в числе *главных* своих врагов и противников при решении восточного вопроса»²⁰. Далее Франция называется первой: «Весьма велики, конечно, нормальные государственные силы Европы, или даже той коалиции, которая образуется против России, когда наступит время серьёзного решения восточного вопроса, – коалиции, имеющей, по всем вероятностям, составиться из *Франции*, Англии, Австрии, а может быть, и Италии»²¹. Но бояться нам нечего, по мнению нашего автора, и потому, между прочим, что за нас Пруссия. «Для России, – говорит он, – важна помощь Пруссии, ибо ни на какую другую, в Старом Свете, по крайней мере, ей рассчитывать невозможно»²². И далее: «Мы полагаем, что в теперешнем положении дел Россия не может иметь другого союзника, как Пруссия, так же точно, как и Пруссия другого союзника, как Россия; и союз их может быть союзом благословенным, потому что у обеих цель правая»²³. Вот неожиданное обращение к этическому принципу в политике, столь решительно отвергнутому. Впоследствии, конечно, нам придётся поспорить и с Пруссией, так как это тоже Европа, но при решении восточного вопроса, при взятии Цареграда пруссаки всё-таки нам помогут против Франции. Таково предвидение Данилевского. А на самом деле могло бы случиться нечто иное. Если бы безусловно отрицательное отношение к Европе и варварский макиавеллизм нашего автора стали известны во Франции и если бы французы увидели тут общерусский взгляд, то это, конечно, побудило бы их поладить с Германией и приступить к тройственному (или ныне уже четверному) союзу, который в таком случае поставил бы вопрос уже не о Цареграде, а о Киеве. Если бы такая громада, как Россия, воодушевлялась ещё коварством и беспощадностью, если бы мнимый медведь вдруг оказался тигром, то всем соседям пришлось бы оставить свои домашние счёты и соединиться против общего врага. Тогда, действительно, теория Данилевского о безусловном антагонизме между Европой и Россией получила бы практическое осуществление, вопрос только: в чью пользу?

Так как Н.Н. Страхов упорно закрывает глаза на проповедь насилия и обмана в книге *«Россия и Европа»*, то его самого, во всяком случае, нельзя обвинить в сознательной солидарности с этою проповедью. Несмотря на воинственное заглавие его собственной книги, трудно заподозрить почтенного критика в шовинизме, а макиавеллизм, иногда им проявляемый,

²⁰ Там же, стр. 496.

²¹ Там же, стр. 504.

²² Там же, стр. 497.

²³ Там же, стр. 498.

относится более к его литературным противникам, нежели к европейским державам. К какому же, однако, нравственному результату приводит его теория Данилевского, так, как *он* её понимает? *Чего* на основании её он желает и требует для своего народа? Н.Н. Страхов высказал это самым недвусмысленным образом в конце своей статьи «*Наша культура и всемирное единство*». *Будем сами собою* – вот, в конце концов, всё, что нам нужно, по его мнению²⁴. «Будем сами собою» – значит, нам нечего думать ни о каком существенном, коренном улучшении нашей жизни, ни о каком высоком идеале, *мы и так хороши*. Проповедь национального самодовольства – вот окончательное заключение, выведенное из теории культурно-исторических типов главным её защитником в нашей литературе. Этим он, сам того не замечая, произнёс решительный суд и осуждение излюбленному им учению не только с узко-моральной, но и вообще с практической точки зрения. Ибо возведённое в принцип национальное самодовольство неизбежно останавливает не только нравственные, но и всякие успехи народной жизни. «Мы и так хороши» – этот китайский принцип для народа исторического есть прямое начало духовной смерти и разложения. Какое счастье, что наши предки, создавшие Россию, думали не так, как г. Страхов и К°! Если б новгородцы в IX веке сказали: мы и так хороши! – то не было бы русского государства; если бы этого мнения держался Владимир Киевский, то вся Русь (а не одни только патриотические публицисты) осталась бы без христианства; если бы Страховым XVII в. удалось убедить Петра Великого, что мы и так хороши, то нынешнему г. Страхову не пришлось бы ни разбирать Пушкина, Толстого и Тургенева, ни издавать книжек о вечных истинах с эпиграфом из Спинозы, ни даже бороться с Западом во имя западных идей.

III

Было бы несправедливо расстаться с Н.Н. Страховым, не упомянувши о его раскаянии. Почтенный критик кается в резкости своей полемики против проф. Тимирязева и меня, признается, что он сам испортил дело, что его грех попутал, и пытается хоть сколько-нибудь извинить себя перед читателями²⁵.

²⁴ Б. с 3., стр. 281, 282.

²⁵ Б. с 3., стр. 543 и 546. Не сомневаясь в искренности этого раскаяния, к сожалению, не могу считать его серьёзным. Г. Страхов недоволен, что «так вышло», но, в сущности, он очень доволен собою. Как объяснить иначе, что он буквально, без малейших поправок, выпусков и оговорок воспроизводит в настоящем издании все свои полемические грехи, в которых при конце книги как будто кается? Дело доходит до того, что на стр. 221 читатель находит повторенную без всякой оговорки фактическую ошибку г. Страхова, весьма обидную

Первое извинение, это – разочарование, в которое мы повергли защитника Данилевского. «Вспоминая теперь, – пишет он, – весь ход этого дела, я вижу, что оно с самого начала пошло неправильно. Уже первые мои ожидания были жестоко обмануты. Когда, вот уже скоро три года тому назад, я узнал, что против *«Дарвинизма»* читал лекцию г. Тимирязев, а также когда потом Вл.С. Соловьёв известил меня, что он пишет против *«России и Европы»*, то первое чувство моё, и в том, и в другом случае, была наивная радость, что дорогая мне книга встретила такого достойного противника, имеющего право и возможность серьёзно вести это дело. Но потом мне пришлось горько пожалеть. Оба противника, как оказалось, сочли ниже своего достоинства рассматривать вопросы, поставленные Н. Я. Данилевским. Совершенно не соглашаясь с его взглядами, они опровергали его очень просто, – доказывали, что он вовсе не имеет права судить о предметах, о которых писал. А именно, один из критиков доказывал «малое знакомство Данилевского с данными истории и филологии», а другой настаивал на его «дилетантизме в естественных науках и особенно на недостатке логики»²⁶. Если бы и в самом деле я ограничился только тем, что доказывал малое знакомство Данилевского с данными истории и филологии, не дающее ему права строить исторические теории, то в чём тут беда? Г. Страхов допускает, конечно, что существуют вообще и такие люди, которые не имеют морального права выступать с историческими теориями, именно люди, не знакомые с историей. Значит, вопрос только в том, принадлежит ли к их числу автор *«России и Европы»* или нет? Если принадлежит, то этого фактического указания с моей стороны было бы, пожалуй, и достаточно. Если же не принадлежит, то его защитнику следовало на моё «простое» опровержение ответить столь же просто, именно показать, что данные истории и филологии, на которые я ссылаюсь, не противоречат мыслям Данилевского.

Гораздо более замечательно второе извинение, представляемое г. Страховым: он уверяет, что наше (т.е. проф. Тимирязева и моё) нападение на Данилевского возмутило его, главным образом, потому, что западничество у нас в настоящее время необыкновенно популярно, а славянофильство так забито и загнано, что нужна особая «бодрость и вера», чтобы писать в славянофильском духе. Это заявление настолько неправдоподобно, что мне необходимо привести подлинный текст. «Когда наши писатели, – говорит г. Страхов, – начинают ссылаться на авторитет Запада, когда раздаются, как у

для его противника, а на стр. 299, *если только дойдёт до неё*, может прочесть и поправку г. Страхова, признающего в этой своей ошибке. Или, быть может, проповедник серьёзного умственного труда просто поленился перечесть свои статьи прежде их перепечатания?

²⁶ Б. с 3., стр. 543 и 544.

моих противников, речи о лучших умах Европы, о могучем движении европейской науки, о гигантах научной мысли, то я не могу слышать этого равнодушно, ибо хорошо понимаю, как это действует. Я знаю, что и юноши, и старики, и женщины вдруг шалеют от этих речей, что в их глазах начинает ходить светлый туман, что они теряют способность что-нибудь ясно видеть и правильно понимать. Тогда их можно уверить, что на Западе скоро, очень скоро, завтра же сбудутся самые лучшие чаяния нашего сердца и разрешатся самые высокие запросы нашего ума. О России же если вы скажете, что её история не имеет никакого содержания, что её религия была и есть одно суеверие, что у нас нет ни единого здравого общественного начала, что русские даже не способны иметь ум и совесть, а всегда имели и теперь имеют одну подлость, то такие речи будут приняты с истинным восторгом. Вот почему писатели, вздумавшие играть на этих струнах, так глубоко меня возмущают»²⁷.

Не говоря уже о том, что читатели г. Страхова на основании этой тирады имеют право думать, что проф. Тимирязев или я, а, может быть, и мы оба утверждали, что русские не способны иметь ум и совесть и т.д., не говоря уже об этом, общий смысл рассуждения поистине изумителен. Очевидно, г. Страхов находится под влиянием особого рода галлюцинации. Впечатления, полученные им в начале его литературной деятельности, были настолько сильны, что сохранили и ныне, несмотря на совершенно переменявшиеся обстоятельства, всю свою живость и реальность. Старому сотруднику «*Времени*», «*Эпохи*» и «*Зари*» всё ещё мерещится тогдашняя неудачная борьба с Западом, ему кажется, что и теперь, как в шестидесятых годах, славянофильство и национализм идут против течения, а западничество и либерализм – по течению. Между тем, чтобы очнуться от этого сновидения, ему стоит только предложить себе один вопрос: по течению или против течения идёт единомышленная ему националистическая газета «*Новое время*», самый популярный и распространённый орган современной русской печати?

Кажется, впрочем, кошмар торжествующего западничества и угнетённого славянофильства лишь по временам посещает г. Страхова. Он был свободен от этого наваждения, когда писал предисловие к своему последнему изданию. Здесь мы читаем следующее: «По мере пробуждающих сознание событий и по мере умственного роста России славянофильство стало проявляться всё сознательнее и определённое, так что его великая идея, к удивлению наших западников, считавших её за выдумку нескольких

²⁷ Б. с 3., стр. 548 и 549.

несуразных чудачков, приобрела у нас уже немало твёрдости, уважения и распространения. У неё есть уже целая литература, и какая литература! Западнические мыслители, несомненно, уступают ей не по объёму, а по достоинству своих писаний. Очевидно, это идея органическая, растущая и раскрывающаяся своею внутреннею силой».²⁸

Итак, оказывается, что забитое и загнанное славянофильство процветает в высшей степени. Правда, г. Страхов был бы в большом затруднении, если бы от него потребовали точных указаний насчёт этой удивительной литературы, посвящённой развитию славянофильской идеи. Конечно, скромность помешала бы ему назвать свою «борьбу с Западом», и, следовательно, всё свелось бы опять к той же единственной книге *«Россия и Европа»*, которая именно и составляет предмет спора. Но это неверное показание о несуществующей литературе вполне искупается следующим за тем совершенно правдивым, хотя со стороны г. Страхова и неблагоприятным признанием, что славянофильство в настоящее время достигло у нас такого преобладания, что оно, с одной стороны, увлекает глупцов, беззащитных против всякого господствующего течения, а с другой стороны, людей нечестных, находящих для себя выгодным примыкать к этому направлению. Вот подлинные слова г. Страхова: «В настоящее время у нас явилось довольно много консерваторов, монархистов, защитников православия, националистов, самобытников и т.п. Но огромное большинство их руководится только инстинктивным чувством, и если у иных это чувство вполне чистое, то сколько таких, у которых оно искажено или вовсе замещено горячим своекорыстием! Между тем, думать и учиться никто не хочет, и если кто умствует и пишет, то хватается за что попало для подтверждения своих мнений и вождедений и, таким образом, часто только пачкает светлую идею всюю грязью своего невежества и дурного сердца»²⁹.

Теперь мы знаем от самого г. Страхова, на *каких* струнах приходится в настоящее время играть тем людям, которые заботятся не о правде, а об удовлетворении своего «горячего своекорыстия», теперь мы знаем, на чьей стороне слепые инстинкты, невежество и дурные страсти. Впрочем, в последней книге Н.Н. Страхова мы находим признания ещё более важные. С истинным удовольствием могу закончить нынешний спор несколькими рассуждениями и замечаниями моего почтенного противника, с которыми я безусловно согласен и на которые считаю особенно полезным обратить внимание читателей.

²⁸ Б. с 3., стр. VIII.

²⁹ Б. с 3. Там же.

«Наша нынешняя цивилизация, – пишет г. Страхов, – наша наука, литература и пр., – всё это едва имеет историю, всё это недавно и бледно, как запоздалое и усиленное подражание. Мы не можем похвалиться нашим развитием и не смеем ставить себя наряду с другими, более счастливыми племенами. Так на нас смотрят, и мы сами чувствуем, что много справедливого в этом взгляде»³⁰. Когда мы ищем в себе какой-нибудь точки опоры, то «наши мысли обращаются к единому видимому и ясному проявлению народного духа, к нашему государству. Одно у нас есть: мы создали, защитили и укрепили нашу государственную целостность, мы образуем огромное и крепкое государство, имеем возможность своей независимой жизни. Немало было для нас в этом отношении опасностей и испытаний, но мы выдержали их.

Что же, однако, из этого следует? Для нас самостоятельность есть великое благо, но каков может быть её вес в глазах других? Нам скажут, что государство, конечно, есть возможность самостоятельной жизни, но ещё далеко не самая жизнь. Государство есть форма весьма простая, проявление весьма элементарное. Самые дикие и первобытные народы легко складывались в государство. Если государство крепко, то это, конечно, хороший знак, но только знак, только надежда, только первое заявление народной жизни»³¹.

«Итак, яснее или темнее мы чувствуем недостаток нашего образования, несоразмерность нашей государственной силы с нашим нравственным значением»³².

«Очевидно, наше дело было бы вполне оправдано, если бы мы могли отвечать нашим западным противникам так: «Вы ошибаетесь в своём высоком значении; вы ослеплены своею цивилизацией, и в этом ослеплении не хотите или не умеете видеть, что с вами борется и соперничает *не азиатское варварство, а другая цивилизация, более крепкая и твёрдая, – наша русская цивилизация*». «Сказать это легко, – продолжает г. Страхов, – но, спрашивается, чем мы можем доказать это? Кроме нас, русских, никто не поверит нашим притязаниям, потому что мы не можем их ясно оправдать, не можем выставить никаких очевидных идей, всех убедительных признаков, проявлений, результатов, которые заставили бы признать действительность нашей русской цивилизации. Всё у нас только в зародышах, в зачатке; всё в первичных, неясных формах; всё чревато будущим, но неопределённо и

³⁰ Б. с 3., стр. 114.

³¹ Б. с 3., стр. 115.

³² Там же, стр. 117.

хаотично в настоящем. Вместо фактов мы должны оправдываться предположениями, вместо результатов – надеждами, вместо того, что есть, тем, что будет или может быть»³³.

«Мы тогда только будем правы в своих собственных глазах, когда поверим в будущность ещё хаотических, ещё не сложившихся и не выяснившихся элементов духовной жизни русского народа. Но *только верить мало, и только тешить себя надеждами неизвинительно*. На нас лежит обязанность понять эти элементы, следить за их развитием и способствовать ему всеми мерами. Нам может быть сладка наша вера в народ и приятны наши блестящие надежды. Но не забудем и горького: не забудем, что *на нас лежит тяжёлый долг* – оправдать нашу народную гордость и силу»³⁴.

«Если Россия не содержит в себе крепких духовных сил, если она не проявит их в будущем в ясных и могучих формах, то ей грозит вечное колебание, вечные опасности.

Русские духовные силы! Где они? Кто, кроме нас, им поверит, пока они не проявятся с осязаемой очевидностью, с непререкаемой властью? А их развитие и раскрытие – оно требует вековой борьбы, труда и временно тяжёлых усилий, слез и крови»³⁵.

«Говоря о мнении Европы, не будем малодушно утешаться тем, что она на нас клеветает, что она обнаруживает жалкое незнание всего русского, завистливую злобу к силе России и проч. Скажем лучше прямо: Европа не знает нас, потому что мы ещё не сказались ей, ещё не заявили для всех ясно и несомненно те глубокие духовные силы, которые хранят нас, дают нам крепость»³⁶.

«Но, во всяком случае, против (?) культуры должна стать культура, а не что-нибудь другое»³⁷.

«Если мы не поддадимся малодушию, то мы не испугаемся никаких вопросов, никаких сравнений и требований. Кто чувствует в себе силы, тот не боится указания на труды и обязанности, на высокие цели, которых должен достигнуть»³⁸.

³³ Там же, стр. 121, 122.

³⁴ Там же, стр. 126.

³⁵ Там же, стр. 127.

³⁶ Там же, стр. 138.

³⁷ Там же, стр. 145.

³⁸ Там же, стр. 139.

«Есть самолюбия, которые удовлетворяются малым; ужели можно обвинять меня за то, что я пожелал для России слишком многого, что я выразил нетерпеливое ожидание нравственной победы России над Европой»³⁹.

Так писал один из видных последователей славянофильства в 1863 году, и всё это он воспроизвёл теперь без всяких оговорок. Я считаю своим долгом отметить всё хорошее в книге моего противника, но не берусь согласить внутренние противоречия в его мыслях. Думаю, что даже и невозможно никакое примирение между проповедью национальных *обязанностей*, требованием *оправдать* нашу силу и проповедью национального самодовольства, заявлением, что нам нужно только быть самими собой, ибо мы и так хороши. Н.Н. Страхов подписал приговор не себе только, а целому направлению нашей общественной мысли, которое, по словам этого автора, «поддалось малодушию» и «удовлетворилось малым».

Соловьёв, В. С. Мнимая борьба с Западом / В. С. Соловьёв // Русская мысль. - М., 1890. - Год одиннадцатый, кн. VIII. - С. 1-20.

³⁹ Там же, стр. 133.